

— И я полагаю, что по нынѣшнему времени онъ бы не настаивалъ. Но въ старыя годы такъ не полагали, а еслибы полагали, то управляемымъ и дѣваться, пожалуй, было бы некуда. А въ скоромъ времени постѣ того и другой казусъ со мной случился. Открылась въ городѣ вакансія частнаго пристава, а меня кума давно ужъ объ мѣстѣ для мужа просила. Вотъ я и говорю ей: съ Богомъ, кума! А на другой день, ко мнѣ—прокуроръ. Это, говоритъ, духовная симонія! Я, говоритъ, обязанъ буду донести! Ну, и тутъ опять: подосадовалъ я, подосадовалъ, да и долженъ былъ согласиться, что прокуроръ правъ! Какъ объ этомъ новая наука-то ваша говоритъ?

Я хотѣлъ отвѣтить, что такія дѣйствія современная наука называетъ расхищеніемъ власти, но величіе Покатиловской души до того подавило меня, что я безмолвствовалъ.

— А я вамъ скажу, какъ она говоритъ, — продолжалъ неутомимый старикъ: — она видитъ въ таковыхъ поступкахъ противоѣйствіе... А наша, старинная, наука видѣла въ нихъ содѣйствіе, и лицъ, на которыхъ это содѣйствіе было возложено, именovala „надзоромъ“. Да-съ, было такое слово въ старину, которое нынѣ даже у старожиловъ изъ памяти исчезло! И начальство, съ своей стороны, ежели и огорчалось, какъ вы говорите, пререканіями, то огорчались больше столоначальники, коимъ приходилось таковыя разрѣшать, настоящее же начальство, напротивъ, радовалось, ибо знало, что ежели власть въ соотвѣтственномъ видѣ проявлять себя желаетъ, то надзоромъ за подчиненными ей органами она не подрываетъ, а укрѣпляетъ себя. Можетъ быть, это укрѣпленіе устроено было на старинный манеръ, но все-таки оно существовало, и никому въ голову не приходило сказать, что оно не укрѣпленіе, а потрясеніе. Позвольте спросить: чтó, ежели бы я, воспользовавшись послѣднимъ словомъ науки, поѣхалъ на пожарныхъ лошадяхъ на пикникъ, а у меня въ это время полгорода огнемъ бы выдрало? Или, еслибы я, по слабости человеческой, губернію кумѣ предоставилъ, и она, въ свою очередь, прочимъ кумовьямъ ее раздарилъ? Утѣшительный ли бы получился отъ сего для начальства результатъ?

Вопросъ былъ поставленъ такъ рѣшительно, что даже кантонисты испугались и вытаращили глаза, а генералъ Краснощекъ, который, въ свое время, вѣроятно, не разъ отдавалъ Милочкину губернію на поддержаніе кумѣ, смутился и молчалъ. Что касается до Набрюшникова, то онъ находился въ такомъ восхищеніи, что безъ словъ декламировалъ руками.